

региональные эффекты, нормативное регулирование: Реф. обзор / П. Н. Фомичев // РЖ. Социология. 2002. № 4. С. 15; *Held D., McGrew A., Goldblatt D.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambr., 1999. P. 421 – 425.

⁶ См.: *Sources of Japanese Tradition* / Comp. by Ryusaku Tsunoda, W. T. de Bary, D. Keene. N. Y., 1964. Vol. 2; *Japan: A document History* / Ed. by D. J. Lu. N. Y.; L., 1997.

⁷ См.: *Верисоцкая Е. В.* Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX – начале XX в. М., 1990. Ч. 1–2; *Селищев А. С.* Японский экспансионизм: люди и идеи. Иркутск, 1993; *Бугаева Д. П.* Японские публицисты конца XIX в. М., 1978; *Михайлова Ю. Д.* Общественно-политическая мысль Японии: 60–80-е гг. XIX в. М., 1991.

⁸ См.: *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: Модели японской культуры. СПб., 2004. С. 183–214, 233–265.

⁹ Такое определение престижа дает М. Вебер. См.: *Комлева В. В.* Престиж как явление духовной жизни общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 282.

¹⁰ Цит. по: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 119.

К. Д. Бугров

В плену идеи: представления и ожидания российского правового движения начала XX в.

В начале XX в. чешский писатель-фантаст К. Чапек в романе «Война с саламандрами» предрекал грядущее пришествие саламандр. Открытые в Тихом океане и используемые как рабочая сила для удовлетворения ненасытных appetites капиталистического общества, они вскоре превратились в совершенно самостоятельного игрока, извлекающего выгоду из традиционных противоречий между народами Европы, играющего на националистических противоречиях стран мира. Саламандры поставили человечество на колени, но приходит время — и они сами погибают в горниле истребительной войны за принципы «истинной саламандренности»¹.

Памфлет, полный грустной иронии, повествует о судьбе человечества в «век национализма». К. Чапек показал, что даже

холодные и бесчувственные саламандры оказались подвержены губительным межнациональным распрям, не имеющим под собой реального источника конфликта.

Представление об «истинной саламандренности», как с сарказмом К. Чапек охарактеризовал всяческие мысли о собственной исключительности, — источник, питавший правое движение в эпоху массовых партий. Не была исключением и Россия, где сразу после революции 1905 г. начался подъем правого движения.

К. Манхейм, автор знаменитого исследования, посвященного глубинам утопического сознания («Идеология и утопия»), вспоминал, характеризуя особенности консервативного мировоззрения, знаменитое гегелевское изречение: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее: сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек», — и добавлял: «И для консервативного сознания сова Минервы в самом деле начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»². Позднее К. Манхейм в работе «Консервативная мысль» выделял и характерные виды консервативной формы переживаний и мышления: «качественную природу, акцент на конкретность как оппозицию абстрактности, принятие длящейся действительности в противоположность прогрессистской жажде изменений, иллюзорную одновременность, которую она видит в исторических событиях, в сравнении с либеральной концепцией линейности исторического развития, попытку заменить индивидуум именем в качестве основы истории и предпочтение органических социальных целостностей составным общностям, как “классы”, которые предпочитали ее противники»³. Говоря о России, лучше употреблять термин не «консерваторы», а «правые», так как речь идет о более узком, чем консерватизм, течении. Это течение очень четко отделяло себя, например, от «классических» консерваторов вроде октябристов. Зачастую их называют «ультраправыми», или «черносотенцами». «...в начале XX в. консервативная идеология дала практически мало чего нового по сравнению с предшествующим

периодом. Один из ее вариантов — черносотенная идеология... ее погромность и импульсивность продемонстрировали идейную скудость движения в целом»⁴. Но в данном случае мы говорим не только о черносотенных партиях, так как это оставило бы за бортом большое количество интеллектуальных деятелей правого движения, генерировавших наиболее оригинальные идеи и чуждавшихся (подобно В. В. Шульгину) погромной одиозности.

К правому движению мы относим ту часть общества, которая разделяла рассматриваемые ниже принципы, воспринимая их не критически, и была готова активно проводить их в жизнь. Прежде всего, это движение имело опору в образованных классах общества. Так, А. И. Деникин противопоставлял революционную демократию — «конгломерат социалистических партий» — истинно русской демократии, «к составу которой, без сомнения, принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент»⁵. Поэтому в дальнейшем и мы будем употреблять понятия «правая мысль», «правое течение» и «правая интеллигенция» как синонимы, тем более что правое движение само себя осознавало в первую очередь как интеллигентское. Границы этого лагеря оказались очерчены самим ходом событий — в пламени Гражданской войны под одни знамена стали эсер Б. Савинков, генерал А. Деникин, писатель И. Бунин, вообще не имевший отношения к какому-либо «черносотенству» до революции, составитель сборников «Вехи» и «Из глубины» П. Струве... Этот ряд можно продолжить. Революция толкнула «вправо» многих из тех, кто пытался до нее занимать беспристрастную позицию, как, например, Н. Бердяев.

Далеко не все они выступали против изменений существующего положения дел. Можно было бы — с оговорками — назвать это течение «антиреволюционным» или «архаическим».

Правое движение, не менее чем социалистическое или либеральное, стремилось к изменению существующего строя. «Принятие длящейся действительности» не устраивало российских правых. Они тоже мечтали о своего рода «революции», революции «назад». Неудовлетворенность существующим строем правые партии выражали в своих программных документах, а консервативно настроенные деятели писали об этом в воспоминаниях

и книгах. Идеальный порядок вещей для правой мысли характеризовался целым рядом важнейших представлений, которые мы попытаемся свести воедино и описать.

Первая и ключевая точка правого сознания — это патриотизм-национализм, представление о собственной стране и народе как о наилучших, стоящих выше прочих и несущих определенную миссию всемирного значения. Н. Бердяев писал: «Мы, русские, менее всего можем вынести господство притязаний религии германизма. Мы должны противопоставить ей свой дух, свою религию, свои чаяния. Это не мешает нам ценить великие явления германского духа... Но гордыне германской воли должна быть противопоставлена наша религиозная воля. Центральной германской Европе не может принадлежать мировое господство, ее идея — не мировая идея. В русском духе заключен *большой* (курсив мой. — К. Б.) христианский универсализм, большее признание всех и всего в мире»⁶. Но философ вовсе не предлагал «чисто моральной» оценки войны, называя ее «ложной и в конце концов безнравственной». «Я бы хотел бороться с германцами за наш нравственный склад, за наш духовный тип. Но это менее всего означает, что война подлежит расценке с точки зрения моральных прерогатив противников. Война апеллирует не к моральной справедливости, а к онтологической силе. Преобладание славянского нравственного склада совсем не есть проблема справедливости... Это скорее дело исторической эстетики... нам, русским, необходимо духовное воодушевление на почве сознания великих исторических задач, борьба за повышение ценности нашего бытия в мире, за наш дух, а не на почве того сознания, что немцы злодеи и безнравственны, а мы всегда правы и нравственно выше всех»⁷. Война осознавалась во вполне аристократически-возвышенном духе — как борьба с темными силами германизма, рыцарская верность союзникам.

Речь, однако, шла не только и не столько об «этническом» русском народе. Речь шла о патриотизме и единстве всех *подданных* Российской империи, но уже в годы политики русификации при Александре III власти все более были склонны рассматривать их как «русских». Поэтому мы будем употреблять

термин не «национализм», а «патриотизм», но патриотизм со всеми чертами, свойственными национализму, «патриотизм-национализм» или «национализм без нации»; под patria здесь понимаются владения дома Романовых, а не русский народ как таковой, хотя обычно правые писали именно о русском народе и представляли его в своих брошюрах как жертву «инородцев».

«Мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма. Теперь уже незачем ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева; после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того — оправдания его... после распродажи русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам», — сокрушался после Гражданской войны А. И. Деникин⁸. Проблемы патриотизма, нации, а значит — и внешней политики, и территориального суверенитета, оказались центральной точкой ожиданий и надежд правого движения. «Геополитический» патриотизм — вот первый, важнейший принцип, под знаменем которого консерватизм выступал на политической арене начала XX в.

Впрочем, ни одна партия не предлагала тогда отказа от патриотизма. Патриотизм правого движения был особого рода — династический патриотизм, *патриотизм границ, а не граждан*. Уже после победы большевизма в России Л. Троцкий иронически писал — правда, применительно к Западной Европе, но суть от этого не меняется — о «людях, которые вопрос о принадлежности Эльзаса и Лотарингии решают заново каждые полвека при помощи горных хребтов из человеческих трупов»⁹. Сама идея «великой, единой и неделимой» менее всего исходила из представления о нации — речь шла не о сохранении единства нации, но о сохранении всего того, что когда-то было объединено под скипетром Романовых: всех территорий национальных меньшинств, всех аннексированных территорий, всех международных сфер влияния. Конечно, правое движение здесь вовсе не исходило из трезвого расчета тайной дипломатии, из желания раздела мира, агрессии и захватов:

«Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о причинах разгоравшегося мирового пожара — борьбы государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую... борьбы, в которой России принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялись зачастую только поводами... поводы были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч»¹⁰. Правые порицали «раздел мира», полагая его порождением «германского» духа. Но для территории Российской империи делалось особое исключение, поскольку правое движение не могло подходить к ней с обычной меркой. Преданность идее заставляла правое движение фанатично отстаивать территориально-династическую целостность России, которая представлялась неким мистическим понятием. Связанность России с ее окраинами казалась нерушимой, территориальная цельность считалась неприкосновенной, поскольку окраины были завоеваны «кровью и потом Русского народа», «кровью Русского солдата»¹¹.

Можно охарактеризовать такой патриотизм-национализм как глубокий внешний аристократизм, аристократизм международного толка. С этим своеобразным патриотизмом тесно переплеталось представление о единстве народа внутри российских границ, о превалировании национального над классовым. Порицая социалистические партии за «классовый эгоизм», правые, однако, слабо представляли себе реальную общественную картину. С одной стороны, патриотизм заставлял их с восхищением относиться к народу. В Уставе Русского народного союза им. Михаила Архангела было записано первым пунктом: «Союз имеет целью: развитие среди православных и старого обряда Русских людей ревностной, деятельной любви к своей Вере, своему Царю-Самодержцу и своему Народу для дружной совместной работы всех без различия сословий и состояний на пользу России единой, неделимой и мощной»¹². Правым импонировал и взлет энтузиазма масс в первые месяцы войны. Именно такое патриотическое

единение представлялось для них образцом. Но подобное отношение к массам быстро сменилось качественно иным, оставившим в истории большой след.

По мере уставания России от войны, по мере роста в стране недовольства правое движение все больше и больше переходило на позиции социального расизма. Этот расизм мог существовать в двух разновидностях. Первая его разновидность — *отношение правой интеллигенции к народным массам*. М. Гершензон предельно ясно выразил представление о социальном расизме: «Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат, деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души и потому он ненавидит нас страстно... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹³. И если эта позиция к 1909 г. была еще скорее исключением, то к 1917 г. она превратилась в правило.

«Народ-богоносец» к 1917 г. превратился в «чернь». Б. Савинков писал: «“Народ-богоносец” надул. “Народ-богоносец” либо раболепствует, либо бунтует; либо кается, либо хлещет беременную бабу по животу; либо решает “мировые” вопросы, либо разводит кур в ворованных фортепьяно... За родину умирает горсть, за свободу борются единицы»¹⁴. И. А. Бунин, находясь в Одессе, выражался еще более определенно и, так сказать, «физиологически»: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Мурома, Чудь белоглазая... В мирное время мы забываем, что мир кишит этими вырожденками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда “державный народ” восторжествовал»¹⁵.

Однако еще до революции «физиологический» мотив возникал в правой публицистике: «Превосходство русского студен-

чества над студентами англо-американскими льстецы нашей молодежи основывают на том, что английские студенты на первый план выдвигают спорт и заботу о своих мышцах, что из них вырабатывается мускулистое животное, чуждающееся каких-либо духовных интересов. Это неправда... В английских университетах вы не найдете, как среди русской революционной молодежи, 75 % онанистов... Английское “мускулистое животное” подходит к женщине и дает ей физически здоровых детей... В Англии “интеллигенция” есть, прежде всего, и физический оплот расы: она дает крепкие, могучие человеческие экземпляры. В России самая крепкая физически часть нации, духовенство, пройдя через интеллигенцию, мельчает и вырождается, дает хилое, золотушное, близорукое потомство»¹⁶. Так писал А. С. Изгоев в статье «Об интеллигентной молодежи: (Заметки об ее быте и настроениях)». Вторая разновидность социального расизма, существовавшая задолго до 1917 г., — это *представление о революционной интеллигенции как антиподе правой интеллигенции*.

Именно она — революционная интеллигенция — оказалась центральной фигурой всего комплекса представлений правых. Одна из листовок Союза русского народа в 1907 г. обращалась к рабочим: «Ну, какие вам товарищи все эти безусые и усатые студенты, подозрительные евреи, какие-то барышни и дамы... все эти агитаторы и пропагандисты»; «Нам нужна твердая, справедливая власть, а не революция и революционеры... Мы стоим в самом простом народе; не в том народе, что со свистом и гиканьем, предводимый *гимназистами и другими нравственно искалеченными подростками* (курсив мой. — К. Б.), ходит по улицам...»¹⁷; «Безобразие... средних и высших школ, в которых почти весь цвет Русского народа систематически заражается безбожием, ненавистью к Царскому престолу и ко всему, что дорого Русскому народу»¹⁸. Подобные пропагандистские листовки правых партий не заслуживали бы внимания, если бы не отражали парадоксальный характер представлений правых об обществе. За влияние на простой, темный и неграмотный народ борются две силы — «внутренние враги», «жиды», «инородцы русские и иноземные, иноверцы,

разные революционеры»¹⁹ и благородные «могикане старой России», «лучшие люди земли Русской», полутона между этими силами отсутствуют. По мере того как влияние «лучших людей», их представлений и идеалов на массы падало, а влияние «внутренних врагов», «искусителей» усиливалось, правые все более и более сурово оценивали сами народные массы.

Отсюда следует еще одна важная черта — идея о сочетании в русском народе двух начал. Наилучшим образом это иллюстрирует один из белогвардейских плакатов — «Дружно за общее дело», где на фоне деникинской программы стоят крестьянин в белой рубахе, рабочий в ослепительно белом фартуке и офицер. Об этом ностальгировал генерал П. Н. Краснов в романе «За чертополохом»²⁰. И. Бунин размышлял: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, “шаткость”, как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона,” — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев». Н. Бердяев несколько по-другому видел эту проблему: «В России есть смешение двух стилей — аскетического и империалистического, монашеского и купеческого, отрекающегося от благ мира и обделяющего мирские дела и делишки»²¹.

В годы Гражданской войны авторы сборника «Из глубины» вновь выразили уверенность в том, что «моральный союз» против большевиков приведет к скорому падению последних: «Скоро русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности. Против России грабежа, насилия и разнузданности встает грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной, поднимется Русь рыцарская»²².

Н. Бердяев, хотя и подверг критике правое движение в сборнике «Судьба России» («реакционеры-романтики... держащиеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые в отношении к неотвратимым процессам жизни... хотят сохранить старую органичность, старую плоть... какие

маловеры все эти видящие гибель духа в разложении ветхой органической материи»), в предисловии к сборнику в 1918 г. уже переосмысливает многие из собственных постулатов и в конечном итоге приходит к совершенно правой позиции: «Те оценки, которые я применял... я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям... Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления... Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны... Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры»²³.

Таким образом, правая мысль, движимая силами консервативно настроенной интеллигенции, категорически размежевывалась с интеллигенцией «революционной», а именно эта интеллигенция в первую очередь и понималась под таинственным понятием «жиды», нигде детально не объясняемым. По нашему мнению, под ненавистью правого движения к «жидам» скрывался не только и не столько антисемитизм, сколько враждебность правой интеллигенции к своим «революционным» конкурентам. Еврейский народ автоматически относился правыми к «жидам», но в эту же категорию попадали и «космополиты, либералы и гуманисты»²⁴, которые считались либо «жидами», либо их «прихлебателями». Это позволяет объяснить, почему волна еврейских погромов 1904—1905 гг.²⁵ охватила прежде всего губернии, лежащие вне черты оседлости. «Знаете ли, братцы, рабочие и крестьяне, кто главный виновник всех наших несчастий? Знаете ли, что жиды всего мира, ненавидящие Россию, армяне и затем Германия и Англия составили союз и решили разорить Россию дотла»²⁶.

Третьим элементом в этой системе социального расизма была... буржуазия. С. Ф. Шарапов открыто называл XX в. эпохой «диктатуры капитала». «Радикальная печать, неутомимая в своих нападках на правительство, в отношении трестов хранила гробовое молчание. Что являлось вполне естественным, в особенности если принять во внимание, что им принад-

лежали самые крупные и влиятельные ежедневные газеты в обеих столицах»²⁷. Великий князь Александр Николаевич сетовал: «Племянник кардинала, русский мужик и банкир считали себя накануне войны владельцами России. Ни один диктатор не мог бы похвастаться их положением. Ярошинский, Батолин, Путилов — вот имена, которые знала вся Россия»²⁸. Н. Бердяев так осмысливал проблему: «Истребление человеческой жизни, совершаемое в *мирной буржуазной* (курсив мой. — К. Б.) жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне»²⁹. Философ упрекал в «буржуазности» гуманизм, социализм и анархизм.

К революционной интеллигенции правая интеллигенция относилась с расистским высокомерием, считая революционных интеллигентов «психопатами»³⁰. Именно через ненависть к революционной интеллигенции правое движение выражало свои представления, именно в борьбе с ней оно осознавало себя, наконец, эта ненависть была *важнейшей формой существования* правого патриотизма. Правый патриотизм был неразрывно связан с идеей мирового заговора и множества меньших заговоров «международных политических ростовщиков». Иначе говоря, *аристократизм внешний* был сопряжен с *аристократизмом внутренним*.

Попытки авторов брошюр представить правую интеллигенцию как «стоящую в самом простом народе» скрывали отсутствие у правого движения сколько-нибудь реалистической платформы. Во всех вопросах, которые не касались разоблачения козней «искусителей», правая мысль проявляла удивительную наивность. Так, брошюра «Обращение к заводским и фабричным рабочим по поводу предстоящих выборов в государственную Думу» пыталась объяснить, что введение восьмичасового рабочего дня — химера: «...в Англии, Франции, Германии... везде работают 9, 10 и даже 11 часов. Почему же мы то можем работать меньше наших соседей? Разве потому, что мы беднее их»? Кроме того, «как же можно работать меньше, а получать больше»? А «для того чтобы исполнить свои несбыточные фантазии, господа социал-демократы и социал-революционеры намерены и стараются уничтожить Царскую власть,

свергнуть Царя с престола, устроить в России республику с президентом во главе, а в президенты выбрать вместо Царя кого-нибудь из своей среды: врача, адвоката, учителя или кого-нибудь такого...»³¹.

Даже попытка С. Ф. Шарапова еще в 1902 г. дать полное описание социально-политического идеала правого движения в романе «Через полвека» основывалась — несмотря на подробный политический и экономический анализ — на моральных категориях. Согласно С. Ф. Шарапову, основой процветания России «через полвека» будет «православная община», сумевшая с помощью бойкотов успешно конкурировать с могущественным «еврейским кагалом»³². Но в данном случае борьба с ним проводилась хотя и экономическими методами, однако исходя из моральных соображений, а не из хозяйственной целесообразности.

Такая «политэкономия» наводит на мысль: в конечном итоге вся общественно-политическая риторика правого течения апеллировала к *моральным понятиям*, а не к методам социального и экономического анализа, сводясь в свехупрошенном виде к следующему умозаключению: *все хорошие люди должны объединиться против плохих*.

За попытками представить себя «стоящими в самом простом народе» можно видеть глубокий внутренний аристократизм правого движения, питаемый его идеализмом и морализаторством. Чем хуже шли дела у правого движения в стране, тем больше поводов у него было обращаться к библейским аллюзиям, видя в себе агнцев, а в левом движении — козлиц. «Белое дело не может быть выиграно, если потеряна честь и мораль. Без чести, именно отрицанием чести и морали — *временно* побеждают красные. Для белых же потерять честь — это потерять все...», — писал В. В. Шульгин, глядя на лагерь эмигрантов белой армии в Галлиполи³³. «Эта горсть в течение трех лет смогла бороться одновременно на три фронта. Красные засыпали ее снарядами... Серые своим тупым равнодушием создавали вокруг нее вязкую гущу, сковывающую движения... Грязные грязью залепливали глаза, уши, рот... И все же эта горсточка белых не дала себя сломить, не дала задушить себя,

не позволила себя загрязнить... Их мало, но они белые... Они белее прежнего... Эта горсточка белых, эта новая столица на берегах безыменной речки, этот белый город — он уже или победил, или победит...»³⁴ Белое воинство борется не только со зримым противником — красными, но и с тупостью — «серыми», и с жестокостью — «грязными».

Естественно, носители «белой морали» должны были обладать выдающимися нравственными качествами, которые бы отличали их от «красных», «серых» и «грязных». Правая мысль с самого начала придавала колоссальное значение личности. «Твердая рука», суровость и решительность в сочетании с любовью к России и честностью — таким был идеал политического деятеля для правых. Проблема заключалась в том, что такой идеал правые, за редкими исключениями, видели лишь в прошедших временах.

Барон А. Будберг, один из колчаковских генералов, писал: «С ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и деловитости... Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами. Среди этого смрада, как редкие зубы, мочалются малочисленные могикане старой, честной, добросовестной России, рыцари долга, подвига и самопожертвования»³⁵. К этому можно прибавить: «Верю ли я в победу? В тылу тупоумие, взятки и воровство — слепорожденные мыши. На фронте тупоумие, доблесть, разбой — не войны в белых одеждах, а двойники своих же врагов»³⁶. Уже после поражения эмигранты белой армии вспоминали о воровстве и непорядочности как главнейших причинах поражения. Неудовлетворенность сегодняшним днем заставляла правых искать высокие образцы мужества только в прошлом. Недаром любимым

образом правой публицистики была Смута, с которой сравнивались революции 1905 и 1917 гг.

Справедливое общественное устройство правые видели в истинном самодержавии, «царстве Духа», в противовес «царству Материи», всем материальным, эгоистическим устремлениям: «Любить мы должны все чистое, красивое, природу и все проявления ее... Любить мы должны Россию и народ русский... мы должны стать тем духовным основанием, на котором будет строиться Царство духа, которое заменит ныне существующее Царство материи. К этому Царству народ русский уже близок: оно даст России духовную власть над всеми остальными народами — власть любви и мира, ту власть, которая всем людям завещана Христом»³⁷. Препятствием правое движение считало «средостение» между царской властью и народом — бюрократию. Правые были противниками бюрократии, так как, по их мнению, истинная монархия должна была опираться на моральный авторитет, на «органическое», а не «механическое» соединение с народом. Идея истинного самодержавия вновь трактовалась в отвлеченно-моральном духе. Решительное недовольство существующим порядком вещей порождалось катастрофическим несоответствием идеи монархии и ее конкретных носителей. «Члены Романовской династии не оберегли “идею”, которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения»³⁸. При этом правые считали себя призванными сделать шаги по изменению положения дел в лучшую сторону. Недаром Н. А. Энгельгардт в речи на заседании Русского собрания 20 октября 1906 г. назвал лидера Союза русского народа А. И. Дубровина «нашим русским Гарибальди».

Внутренний и внешний аристократизм правых не был следствием их социальной принадлежности. Но мы не отрицаем дворянский характер правого движения, так как внутренний и внешний аристократизм, вместе с представлениями о чести, долге, был реликтом архаичного мировоззрения высших дворянских классов предшествующих эпох. Мессианство, аристократизм, объяснение всех явлений не через социально-экономический анализ, а через моральные категории, враждебность

к революции, враждебность к капитализму, социальный расизм, и прежде всего осознание собственной исключительности, — признаки, позволяющие говорить об этом. И царская власть, и экономические отношения, и внешняя политика, и революция — все объяснялось правыми через наличие или отсутствие моральной устойчивости: у монарха, у бюрократов, у капиталистов, у союзников по Антанте, у простого народа, и только за революционной интеллигенцией априори признавалось отсутствие морали. В конечном итоге именно она разрушала с помощью «утилитарного гуманизма» то «лучшее начало» в русском народе, на которое рассчитывали правые: «Практика живых сил эгоизма, вытекающая из принципа боевого социализма, обозначаемого как классовая борьба, ведет именно не к погашению этих сил, а к аккумулярованию их. И итог этих социальных революций есть уже несомненное приобретение антихристового начала». Далее антихристом назывался... Ленин!³⁹

Правое движение к началу XX в. оказалось в плену идеи. Набор аристократических принципов, унаследованный правыми от былых эпох и принятый некритически, создал непреодолимую стену идеализма. Бросающаяся в глаза брюзгливость, морализаторство авторов всех правых сочинений — от Победоносцева до Будберга или Шульгина — имеют причиной именно непосильный гнет идеи, которая не находит никаких подтверждений в современности. Аристократизм было невозможно «омолодить серым по серому», но правые не желали его и «понять», вместо этого продолжая слепо в него верить. *Жалости к массам*, которая владела умами социалистического и либерального движения и подкреплялась анализом «законов общественного развития», правые противопоставили *моральную строгость*, подкрепленную интуитивным понятием о красоте и долге, не задаваясь вопросом: могут ли массы «потянуть» это? Когда же массы «не потянули», правое движение отшатнулось от них, оставшись в одиночестве в плену собственной идеи.

¹ См.: Чанек К. Война с саламандрами; Рассказы. Минск, 1986.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 195.

- ³ Там же. С. 612.
- ⁴ *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А.* Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 410.
- ⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 82.
- ⁶ *Бердяев Н. А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 151.
- ⁷ Там же. С. 167.
- ⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. С. 88.
- ⁹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 211.
- ¹⁰ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 19.
- ¹¹ См.: *Правые партии. 1905—1917 гг.: Документы и материалы.* М., 1998. Т. 1. С. 377.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции.* Свердловск, 1991. С. 85—86.
- ¹⁴ *Савинков Б. В.* Избранное. М., 1990. С. 392.
- ¹⁵ *Бунин А. И.* Окаянные дни // Свободы вечное преддверье: Сб. Л., 1990. С. 347—348.
- ¹⁶ *Вехи...* С. 103—104.
- ¹⁷ *Правые партии...* С. 167.
- ¹⁸ Там же. С. 179.
- ¹⁹ Там же. С. 302.
- ²⁰ См.: *Краснов П. Н.* За чертополохом: Роман-фэнтези. М., 2002.
- ²¹ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 206.
- ²² *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М., 1990. С. 203.
- ²³ Там же. С. 4—5.
- ²⁴ *Шарапов С. Ф.* Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Соч. М., 1902. Т. 8. С. 60.
- ²⁵ См.: *Степанов С. А.* Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992.
- ²⁶ *Правые партии...* С. 168.
- ²⁷ *Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний.* М., 1991. С. 200.
- ²⁸ Там же. С. 199.
- ²⁹ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 154.
- ³⁰ См.: *Шульгин В. В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 517.
- ³¹ *Правые партии...* С. 87—88.
- ³² См.: *Шарапов С. Ф.* Указ. соч. С. 36.
- ³³ *Шульгин В. В.* Указ. соч. С. 294.
- ³⁴ Там же. С. 525—526.
- ³⁵ *Будберг А.* Дневник. 1918—1919 гг. // Гуль Р. Б. Ледяной поход; Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова; Будберг А. Дневник. 1918—1919 гг. М., 1990. С. 274.
- ³⁶ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 382.

³⁷ Великий князь Александр Михайлович... С. 265—267.

³⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. С. 16.

³⁹ Из глубины... С. 50—51.

Т. П. Нестерова

Итальянские интеллектуалы и фашизм

Личность и творчество любого интеллектуала XX в. неразрывно связаны с вызовами и катастрофами этого, по выражению Эрика Хобсбаума, «короткого века». XX в. стал эпохой развития демократических тенденций в жизни европейцев, в политике, в культуре, и в то же время стал эпохой «тоталитарного искушения», временем сложного переплетения либеральных и антилиберальных, тоталитарных и антитоталитарных, демократических и антидемократических идей и тенденций. Многие мыслители пытались найти ответ на вопрос, что же такое — XX в. Возможно, наиболее точно сформулировал ответ итальянский историк Франко Вентури: «Историки не могут ответить на этот вопрос. Для меня XX век — это только вечно повторяющаяся попытка понять это»¹.

Вопрос о взаимоотношениях интеллектуалов с политическим режимом, особенно режимом авторитарного или тоталитарного типа, ограничивающего проявление свободы выражения мысли, является предметом дискурса, рассматривающего интеллектуалов в их конкретном историческом окружении. XX в. стал эпохой, когда подобное взаимодействие проявлялось в разнообразных формах и аспектах. Модернизация европейского социума привела к трансформации традиционных общественных страт, обеспечивавших «естественность» существования интеллектуалов в домодернистскую эпоху. На вызовы модернизации XX в. попытался найти не только демократические, но и тоталитарные ответы. Новая эпоха потребовала от интеллектуалов действия в непривычной для них обстановке — в условиях формирующегося массового общества.